

КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 314.8

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЕРХНЕУДИНСКА / УЛАН-УДЭ: ОТ УЕЗДНОГО ГОРОДА К СТОЛИЦЕ РЕСПУБЛИКИ

М.Н. Балдано, С.В. Кириченко
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ

histmar@mail.ru
l-a-n-a@mail.ru

Статья посвящена проблеме этнизации городского пространства Верхнеудинска/Улан-Удэ в контексте политики нацистроительства. Русский уездный Верхнеудинск стал по воле советской власти столицей бурятской автономии Улан-Удэ. Прежние функции не исчезли, но были отеснены на второй план новыми властными задачами. Смена этнического состава происходила не за счет вытеснения старого, а благодаря массовому притоку нового, в большей степени бурятского населения. Целенаправленно были сформированы новые социально-профессиональные группы – номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие – через систему социальных лифтов в контексте социалистической индустриализации. Была создана новая система образования, проводилась политика коренизации. В результате сформировался типовой столичный набор социальной и культурной инфраструктуры – от системы власти до музеев и театров, общепурятского литературного языка, народного эпоса, ставшего базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации.

Ключевые слова: этнизация, городское пространство, нацистроительство, урбанизация, интеллигенция, коренизация.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-74-93

Старый сибирский город Верхнеудинск, ставший при советской власти столицей бурятской автономии Улан-Удэ, дает великолепный пример радикального изменения характера городского пространства под влиянием смены функций и статуса. Важнейшей частью этого процесса стала этнизация городского пространства. Будучи до революции торговым, преимущественно русским по населению уездным городом, в советскую эпоху он стал инструментом политики нацистроительства и

центром общих для страны модернизационных процессов, происходивших в регионе. На город была возложена общегосударственная, в каком-то смысле имперская, задача стать площадкой и инструментом для формирования из совокупности партикулярных бурятских племен современной городской нации. Превратившись в ходе реализации этой задачи в Улан-Удэ, город приобрел положение административного, индустриального, культурного, научного центра и статус столицы автономной

республики. Важнейшим результатом этих трансформаций стало изменение характера социального пространства, этнического состава населения, характера взаимоотношений города и хинтерланда.

Верхнеудинск – уездный город

Верхнеудинск – один из старых сибирских городов, на первых порах – центр сбора ясака и военный форпост. По мере развития торгово-меновых и бытовых отношений между русскими поселенцами и бурятами, с проведением в 1726–1740 гг. сухопутного Сибирского тракта, углублением русско-китайской торговли, главными для города становились торговые, транспортные и административные функции. В XVIII в., благодаря выгодному экономико-географическому положению (судоходность р. Селенга с удобной пристанью, тракты на Троицкосавск и Кяхту), Верхнеудинск довольно быстро превратился в крупный торговый центр Забайкалья. Здесь контролировалась международная торговля между Россией, Китаем и Монголией, взимались торговые пошлины. Цены на местные и импортные товары устанавливались на двух ярмарках (летней и зимней), ежегодно проводимых с 1708 г. Обороты их достигали значительных по тем временам размеров – 2 млн руб. В погоне за прибылью сюда приезжали торговцы из других городов Сибири и центральной России, что способствовало быстрому становлению внутренней сибирской торговли.

С 1783 г. Верхнеудинск – уездный город Иркутского наместничества с магистратским управлением, этнически однородный, русский по составу населения (с заметной долей еврейского компонента). На начальном этапе его этнической

истории главным источником пополнения населения были русские служилые люди и казачество, чуть позже – ссыльные, не подлежавшие использованию на каторжных работах, добровольно оставшиеся отставные солдаты, помещичьи крестьяне, отданные в зачет рекрутов, старообрядцы. Заметный след в общественной жизни города оставили декабристы, занимавшиеся обучением и просвещением бурят и изучением природы края.

Второй по численности конфессиональной и этнической общностью были евреи, доля которых среди жителей города в разное время колебалась от 9 до 12 % [21, с. 12]. Сословный состав евреев включал купцов, мелких торговцев, ремесленников. Основными источниками пополнения еврейской общины были ссылака и каторга. Евреи были преимущественно выходцами из городских слоев, и это не могло не оказывать влияния на формирование городского пространства в целом.

Динамично росла роль города как главного перевалочного и товарораспределительного центра. Торговля и сфера ее обслуживания определили направление и хозяйственную основу развития города, темпы роста его населения.

В соответствии с Жалованной грамотой городам 1785 г. городское население Верхнеудинска было поделено на шесть разрядов. Самым крупным по численности было сословие мещан (26,4 %), занимавшихся «мелочною торговлею, содержанием почтовых и обывательских подвод, извозом казенных и частных тяжестей в Иркутск, Кяхту и Читинский острог, хлебопашеством и рыбною ловлею» [32]. Жалованная грамота городам объединила в единое сообщество разрозненные группы «городских обывателей».

Как и в других сибирских городах, в Верхнеудинске отсутствовало собственное дворянство. Во многих отношениях его заменяло купечество. Самыми известными верхнеудинскими купцами-оптовиками в XVIII в. были Аввакум, Никита и Иван Байбородины (оптовая торговля, перепродажа кож), Иван Гусев (скот, лошади), Василий Димов (российские и китайские товары), основатель купеческой династии Дмитрий Лосев.

Поскольку купечество представляло собой ключевую слой населения, центральная часть города в основном была застроена купеческими особняками и лавками. Существовали Большие Гостиные ряды с множеством торговых и складских помещений, сохранившихся до наших дней. Рядом находились кузницы, мясной ряд, хлебный рынок при Гостином Дворе, имелось «для питий 16 погребов, по всем сторонам над лавками жилые покои по 12 сажен с колоннами в новом венецианском вкусе для разных надобностей» [7, с. 16]. Это был один из самых красивых и просторных Гостиных Дворов в Восточной Сибири. В 1811 г. надворный советник И.Е. Миллер отмечал, что «город Верхнеудинск изрядно отстроен. Дома внутри чисты и опрятны, комнаты по большей части украшены китайскими ландшафтами, историческими картинами, фарфором и другими художественными произведениями. Жители вежливы и гостеприимны» [15, с. 67].

Русские и евреи представляли купеческое сословие города, сформировавшееся из служилых, промышленных и торговых людей, в большинстве своем пришедших из европейской части России, а позже – из Западной Сибири. Обновление его происходило в основном за счет мещан и крестьян, реже – чиновников в отставке и цеховых.

Увеличение мелкотоварного производства, переход от натурального хозяйства к работе на рынок привели к росту обменных операций, значительному расширению их сферы, появлению скупщиков и крупных купеческих капиталов. По данным IV ревизии (1782–1784), по Сибири «в купеческом окладе состояло 2174 человека мужского пола, из них наибольшее число купцов было в Иркутске (386 чел.), Тобольске (347 чел.), Верхнеудинске (341 чел.), Томске (214 чел.)» [12, с. 139]. Таким образом, во второй половине XVIII в. город занимал третье место в Сибири по количеству купцов. В 1790 г. Верхнеудинску был вручен герб, подчеркивающий его торгово-купеческое значение: на золотом поле были изображены жезл бога торговли Меркурия и рог изобилия.

Следствием преобладания в составе горожан непродовольственных групп был невысокий производственный потенциал города. В Верхнеудинске развивались только те отрасли, которые не испытывали конкуренции со стороны центральных районов страны, имели прочную сырьевую базу и устойчивый рынок сбыта. Некоторые купцы (М.К. Курбатов, Н.В. Костин, И.Ф. и Н.И. Голдобины) в самом конце XVIII – начале XIX в. открыли свои мануфактуры, представлявшие собой мелкие полукустарные предприятия. В 1850 г. в Верхнеудинске открылся первый мыловаренный завод, принадлежавший отцу купца А. Самсоновича. Чисто «еврейскими» отраслями были мыловарение, кожевенное, мукомольное производство [11, с. 158]. Однако, несмотря на развитие мануфактуры, Верхнеудинск и в XIX в. оставался преимущественно торговым городом, а рост внутренней и внешней торговли продолжал оказывать существенное влияние на экономику края. Куп-

цы пользовались наемным трудом. Наемными работниками были обедневшие мещане, крестьяне, ссыльнопоселенцы, беглые из центральных районов страны, реже инородцы.

Хотя значительная часть хинтерланда была бурятской, здесь не было традиции участия бурятского населения в культурной и общественной жизни города. Немногочисленные верхнеудинские буряты были в основном приказчиками в лавках, плотниками, столярами, дворниками при постоянных дворах, где часто останавливались приезжавшие в город буряты.

Англичанин Ч. Коттрелл отмечал, что жившие в непосредственном соседстве с Верхнеудинском буряты – «богатейшие из всего племени» [35, с. 286–287]. Представляет интерес его упоминание о «значительной торговле», ведущейся в городе с бурятами. Годом ранее польский путешественник О. Евичкий свидетельствовал, что в Верхнеудинске «торговые площади наполнены бурятами и тунгусами» [8, с. 115]. А следовавший зимой 1859 г. в Читу на новое место службы областного врачебного инспектора П.С. Алексеев писал: «Верхнеудинск – город правильно расположенный; он не весь деревянный, как большинство сибирских городов; кирпичные здания разнообразят и как бы оживляют и разукрашивают общий вид. По улицам Верхнеудинска расхаживает разноплеменная толпа: встречались буряты, китайцы, семейские, раскольники. Буряты в цветных долгополых полных шубах – “татарлыках” и подвязанных под подбородком меховых шапках – “малахаях” разъезжали в двуколках, запряженных волами; это были первые истые азиаты, виденные нами в Азии после татар под Томском» [1, с. 17].

До 15 % русского населения принадлежало к сельскому сословию. Они держали домашний скот: в 1878 г. на 4244 жи-

теля Верхнеудинска приходилось 1415 лошадей, 1015 коров, 750 овец, 42 свиньи и 98 коз. Для многих горожан средством существования было земледелие – хлебопашество, огородничество, а также рыбная ловля и другие виды сельскохозяйственной деятельности.

За 1825–1913 гг. население Верхнеудинска увеличилось почти в 10 раз и составило 20 тыс. человек. Оживление экономической жизни и рост числа горожан были связаны с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали. Первый поезд прибыл сюда 15 августа 1899 г. Через год был введен в эксплуатацию Верхнеудинский участок Забайкальской железной дороги. Транссиб, соединив Сибирь и Дальний Восток с европейской частью, оказал существенное влияние на социально-экономическую «переориентацию» города. С ним связано окончательное падение кяхтинской торговли и Верхнеудинской ярмарки, значение которых резко снизилось еще в 1860-х гг., когда был сооружен Суэцкий канал. Это вынуждало купцов уезжать и увозить свои семьи.

На рубеже веков произошла смена поколений еврейских купцов. Двенадцать из двадцати торговых домов Верхнеудинска принадлежали евреям или были созданы с их участием. В апреле 1916 г. городская управа составила список четырнадцати наиболее солидных фирм города и уезда, половина из которых принадлежала евреям. Как отмечает Л.В. Кальмина, «дорожа завоеванным положением, сибирские евреи с большой степенью равнодушия относились к проносившимся рядом политическим бурям» [11, с. 158].

Критически важными для города стали годы Первой мировой и Гражданской войн. Вначале была большая волна бежен-

цев из прифронтовых районов Первой мировой войны. Затем – огромные потоки людей, приносимых и уносимых катаклизмами войны Гражданской. Они буквально вымели из города значительную часть его торгового и вообще имущего населения. После установления Советской власти город буквально «завис» в связи с тем, что резко уменьшились важнейшие до этого торговые функции, а новые еще не появились.

Верхнеудинск как проект

Верхнеудинск побывал в водовороте революционных событий и Гражданской войны. В нем успели похозяйничать представители Временного правительства, Сибирской директории, коалиционного левого правительства Сибирского центра, колчаковцы и семеновцы, большевики, чехи, американцы и японцы, анархисты Каландаришвили и Лаврова, народные комиссары правительства ДВР. Однако главным событием в жизни Верхнеудинска стало образование Бурят-Монгольской автономной советской социалистической республики в 1923 г.

Победившая Советская власть начала выстраивать собственную национальную политику, давшую мощный импульс формированию наций-этносов. Большевики с самого начала заявили о том, что гарантируют народам России право «на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Национальная доктрина большевиков нашла поддержку у национальных движений, в том числе и у бурятского. В годы Гражданской войны были образованы автономные бурят-монгольские области в составе РСФСР и ДВР. В 1922 г. советское правительство упразднило ДВР и обе автономии. На их основе и была создана в 1923 г. Бурят-Монгольская автономная советская социалисти-

ческая республика. Образование республики, пусть и с весьма ограниченными государственными функциями, стало решающим фактором формирования нации-этноса. Но сам процесс выстраивания нации из партикуляристского населения требовал специального инструментария.

Одним из таких инструментов стала современная бурятская элита – немногочисленная, по-европейски образованная, чрезвычайно активная и обладающая большим интеллектуальным потенциалом, имеющая опыт дореволюционной общественной и политической деятельности, прошедшая через потрясения Гражданской войны. Ее представители не просто осмысливали и изучали историю своего народа, но и разрабатывали проекты его сохранения и дальнейшего развития. При всей сложности, противоречивости и разнонаправленности эти проекты можно охарактеризовать в категориях «нациестроительства» в современном понимании этого слова. Фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы. Это предполагало создание единой культуры, общего представления об истории, единого литературного языка, преодоление родоплеменного партикуляризма.

Это был политический проект, в котором огромное значение придавалось созданию собственной государственности как необходимого атрибута и предпосылки создания нации. Создать государство, чтобы создать нацию – достаточно распространенная и осмысленная еще в XIX в. стратегия. Специфика заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной

общности, давно и прочно разделенной государственными границами. Соответственно, проект создания собственного государства неизбежно предполагал масштабные геополитические сдвиги во всем регионе.

Суть политической доктрины «панмонголизма» была изложена Ц. Жамцарано и заключалась в том, что «объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство» [25, с. 15–16]. Такой подход к государственной интеграции монголоязычных народов в единое культурное пространство с целью постепенного нивелирования различий между отдельными региональными группами и в перспективе – достижения этнической унификации и монолитности населения отражал европейскую парадигму нации.

Существовали и другие объединительные проекты. К примеру, Э.-Д. Ринчино писал Д. Сампиану: «...Маньчжурия и Восточная Монголия будут всецело находиться в сфере ведения Японии. Монголия южная, северная и западная с включением бурят образуют самостоятельное, нейтральное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуться к границам Забайкалья с обменом земель. И если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под протекторатом Японии...» [22, с. 143]. Авторы с легкостью подходили здесь к таким сложнейшим вопросам, как переселение целых народов, создание государств. Для них важнее была сама идея, хотя она актуализировалась также и в практиче-

ских попытках конструирования общемонгольской этнополитической системы.

В начале XX в. объединительная идея стимулировалась потрясениями в Китае и России. В Китае рухнула империя, по существу шел процесс распада государства, завершившийся выделением юридически автономной, а фактически независимой Внешней Монголии. Русско-китайская декларация 1913 г. и Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г. окончательно определили международное правовое положение монгольского государства. Чуть позже произошла революция в России и началась Гражданская война.

Казалось, появился уникальный момент, когда идея создания общемонгольской государственности может реализоваться на практике. Гражданская война втянула бурятскую элиту в активную политическую деятельность. Пытаясь отстаивать интересы своего народа (так, как они их понимали), большая ее часть объединилась вокруг Бурятского национального комитета (Бурнацкома). Лавируя, сотрудничая (или пытаясь сотрудничать) со всеми противоборствующими силами, она стремилась добиться реальной внутренней автономии, в идеале – независимой государственности.

«Панмонголизм» как идеология и политическая практика, направленная на создание единого монгольского государства «поверх» существовавших тогда государственных границ, стал реальностью. Осознавая ограниченность собственных сил и возможностей, представители национального движения делали ставку на сотрудничество с различными (как правило, противоборствующими) внешними силами, пытаясь играть на их противоречиях. В свою очередь, на «панмонголизм» делали став-

ку атаман Семенов, барон Унгерн, генерал Чжан Цзолин, японцы, премьер ДВР Шумяцкий, Реввоенсовет 5-й армии, все государственные, военные и коминтерновские деятели, вовлеченные в события в этом регионе. Каждая из этих сил преследовала собственные интересы.

По инициативе атамана Семенова и при содействии японцев в 1919 г. в Чите состоялась конференция, в которой приняли участие бурятские деятели различной политической ориентации и представители Внутренней Монголии. Но дальнейшие события показали, что эта попытка политической консолидации монгольских народов оказалась несостоятельной. Россия и Китай, несмотря на внутренние неурядицы, продолжали отстаивать свои интересы в регионе, в целом сохранив территории и границы. Колчаковское правительство и республиканский Китай, пользуясь несогласованностью действий участников съезда и саботажем Урги, успешно противодействовали осуществлению планов даурского съезда.

В 1924 г. Внешняя Монголия была провозглашена республикой и избрала свой путь нацистроительства в этих рамках. Годом раньше была образована Бурят-Монгольская АССР. Создавая ее, большевики, безусловно, руководствовались идеей «мировой революции». Некоторое время идея единства монгольских народов еще занимала определенное место в теоретических установках руководителей новой автономии. Однако процесс нацистроительства как в Бурятии, так и в Монголии принципиально отличался от проекта «панмонголистов», стремившихся к созданию государственности либо в форме государственного объединения монгольской историко-культурной общности, либо в форме культурно-национальной автономии с последу-

ющим выделением сплошной территории для заселения бурят.

Советская власть проявила завидный прагматизм, продемонстрировав умение договариваться с представителями местной элиты, сосредоточившись на одном из аспектов – государственном строительстве как пути к нации. А.А. Елаев отмечает, что «важнейшей задачей национально-автономного строительства было приспособление органов создаваемой государственной власти и их аппарата к местным национальным условиям. Для ее решения необходимо было в сжатые сроки осуществить перевод делопроизводства на бурятский язык и привлечь в аппарат представителей «коренной» национальности. Эта объективная необходимость совпадала с задачами укрепления Советской власти в республике и усиления ее влияния на бурятское население» [9, с. 182]. Произошло пусть частичное, но совпадение интересов бурятской элиты и власти.

Так появился проект создания бурятской социалистической нации. Политика коренизации (подготовка, выдвижение и использование кадров специалистов коренной национальности для работы в государственных и общественных органах и организациях, в промышленности, науке, просвещении и т. д.), создание и поддержка престижных институтов национальной государственности (высшая школа, средства массовой информации, набор культурных институций, творческие союзы и т. д.), ликвидация экономической и культурной отсталости должны были способствовать обновлению многих сторон этнической жизни, изживанию остатков феодализма, развитию консолидационных процессов, ведущих к формированию нации.

Важным инструментом нацистроительства должен был стать город. БМАССР

создавалась путем объединения бурят-монгольских автономий РСФСР и ДВР, центры которых находились в Иркутске и Чите. Вставал логичный вопрос: какой город будет столицей Бурят-Монгольской автономной республики в составе Восточно-Сибирского края с центром в Иркутске? На деле центром политической и культурной жизни бурят была Чита. Но при таком выборе Западная Бурятия осталась бы на периферии, нарушив баланс между интересами западных и восточных бурят. Верхнеудинск – нейтральный в этом смысле город, географически он находился в центре бурятского этноареала и был удобен в качестве столицы республики с геополитической точки зрения. Кроме того, с апреля по ноябрь 1921 г. он был столицей ДВР, в 1921–1922 гг. – центром автономной области бурят в ДРВ, а еще раньше, в 1905 и 1917–1918 гг., центром бурной политической деятельности. Сложно сказать, просчитывалось ли все это организаторами процесса создания республики. Возможно, это рассуждения *post factum*. Но Чита тогда лишилась статуса столицы независимого государства (ДВР) и получила статус административного центра области в составе Восточно-Сибирского края РСФСР. Верхнеудинску повезло – обретя статус столицы Бурят-Монгольской автономии, он был наделен столичными функциями, а по существу – «назначен» столицей. Ментальный код города был задан. Его традиционный хинтерланд не исчез, сформировался новый. Прежние функции города были оттеснены новыми властными задачами.

Улан-Удэ – столица национальной республики

С созданием автономной республики у Верхнеудинска появились столичные, им-

перские функции, поскольку он стал по существу инструментом центральной власти, призванным осуществлять общегосударственную задачу выстраивания бурятской нации. Но если среди бурятской интеллигенции решающее значение имела перспектива автономного культурного развития народа, то соображения центра преследовали главным образом политические и геополитические цели – существование и развитие бурятской общности должно было отвечать задачам укрепления «социалистической государственности» [6, с. 52].

Нациестроительство – процесс городской, невозможный вне городской культуры и городского типа отношений, без городских слоев, которые собственно и формируют нацию. Реализация такого проекта требовала наполнения декларируемой столичности Верхнеудинска реальным содержанием. На базе уездного городка требовалось создать комплекс политических, административных, культурных институций; сформировать практически на пустом месте необходимые профессиональные группы и социальные страты, национальные по составу и политически лояльные Советской власти. Требовалось реализовать их формирование и деятельность в системе нормативных документов, практик и рутинных управленческих процедур. Только при этих условиях город смог бы выполнить возложенную на него функцию преобразования бурятского сельского, племенного, партикуляристского, разбросанного на огромных расстояниях бурятского населения в современную нацию, да еще и «социалистическую по содержанию».

Институциональное строительство в политической и культурной сферах должно было идти – и шло – одновременно с подготовкой для них профессионально

подготовленных и политически преданных национальных кадров. Это была труднейшая задача с учетом крайней узости слоя европейски образованных бурят вообще и наличия их в Верхнеудинске – в особенности. Там, конечно, были свои политики и администраторы, но это были деятели уездного масштаба. Для начала необходимо было сконцентрировать в новой столице имеющийся, как тогда любили писать большевистские лидеры, «человеческий материал». Однако существовали серьезные сомнения в его политической лояльности. Значительная часть представителей бурятской политической элиты не без основания расценивалась в качестве временных союзников и попутчиков.

Верхнеудинск стал площадкой для целенаправленного выращивания политической, художественной, научной бурятской элиты, теперь уже сугубо городской. Этому процессу было подчинено все – компартия, комсомол, советы, ОСОАВИАХИМ и т. д., а основным механизмом стала «коренизация» – политика подготовки, воспитания и выдвижения национальных кадров. С этой целью создавалась целая система социальных лифтов.

Исследователи практически едины во мнении, что коренизация должна была предотвратить развитие националистических сил. Уступки в языке, культуре и кадровой политике должны были остановить распространение автономистских и сепаратистских настроений. По словам Т. Мартина, «коренизация (индигенизация) была профилактической политикой, которая имела своей целью обезвредить национализм и воспрепятствовать его распространению среди ранее угнетавшихся нерусских колониальных народов. И именно поэтому для них предполагалось создать на-

циональные территории, языки, элиты и культуры» [13, с. 177]. Т. Скрынникова отмечает, что «коренизация была призвана встроить этничность в советскую политическую систему и погасить тем самым ее мобилизационный потенциал, перенаправив его в русло национально-государственного социалистического строительства» [6, с. 57].

В соответствии с этой политикой шло формирование новых социальных групп – номенклатуры, интеллигенции, городских средних слоев, рабочих. Исходным материалом для этой социальной инженерии было в значительной части пауперизированное сельское население. По данным Верхнеудинской биржи труда, в 1926–1927 гг. из общего количества зарегистрированных безработных прибывшие из деревень и улусов составляли 30,1 %, а в 1927–1928 гг. – 43,2 % [30]. Уже весной 1927 г. из-за избытка приезжих безработных из деревень Бурят-Монгольский ЦИК вынужден был издать циркуляр о порядке приема на работу только через органы Бурнаркомтруда (биржу труда) [31]. Была введена система льгот для бурятских рабочих. Предоставлялись льготы при регистрации на бирже труда, при приеме на работу и увольнении. Но среди бурят-рабочих была высокая текучесть кадров – гораздо выше, чем у русских. Именно высокую текучесть кадров власти считали главной причиной медленного роста численности местного пролетариата.

Одной из задач национально-автономного строительства было приспособление органов создаваемой государственной власти и аппарата к местным национальным условиям. Для ее решения необходимо было в сжатые сроки перевести делопроизводство на бурятский язык и привлечь в аппарат представителей коренной нацио-

нальности. Согласно разработанным планам, их представительство в органах власти намечалось довести до 37,7 % [9, с. 184].

Политика коренизации ставила цель дать образование на родном языке бурятскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве. Образование должно было служить – и служило – важнейшим социальным лифтом. Поэтому бурят (рабочих и крестьян) набирали и отправляли на учебу в вузы, чтобы они, получив подготовку, заняли должности специалистов в государственных учреждениях, предприятиях, организациях. Собственная система высшего и среднего профессионального образования в 1920-х гг. находилась в зачаточном состоянии, поэтому получить образование можно было только в центральных вузах, имевших квоты для «националов».

Для создания собственной системы образования необходимо было сформировать кадровую базу, в том числе и национальную. Отправка специалистов из центра не решала проблемы полностью. К концу 1930-х гг. в республике была создана система подготовки и переподготовки кадров (краткосрочные курсы, педтехникумы, вуз, учительский институт), но остро стоял вопрос о квалификации готовящихся специалистов. Были открыты технические ссузы, рабфаки, вузы. Характерными чертами этого процесса «являлись приоритетное развитие педагогических учебных заведений, сравнительно медленный рост учебных заведений технического профиля» [19, с. 42]. Решением научно-исследовательских задач по широкому спектру научных направлений занимался созданный на базе Бурчюкома Бурят-Монгольский государственный

институт культуры, впоследствии реорганизованный в Государственный институт языка, литературы и истории.

Организация управления, образования, культурно-просветительной работы неизбежно упиралась в вопрос о языке, точнее, в конструирование литературного языка – унифицированного языка делопроизводства, преподавания, профессионального искусства. В результате бурятский язык в течение короткого срока дважды претерпел изменения: хоринский диалект заменил селенгинский, кириллица – латиницу. Стронники старомонгольской письменности подверглись репрессиям. В 1938 г. был принят курс на русификацию бурятского языка, в немалой степени объяснявшийся нуждами модернизации: введение кириллицы способствовало более продуктивному освоению бурятами русского языка, что, в свою очередь, позволяло активно их использовать в построении нового советского общества.

Реализация проекта нацистронительства требовала целенаправленного формирования общепурятской национальной культуры, по характеру профессиональной, основанной на всеобщей грамотности, едином языке. Город становился очагом этого процесса – здесь целенаправленно формировалась разветвленная инфраструктура: учебные заведения, учреждения культуры, науки, издательства, музеи, театры, библиотеки. Был создан массовый профессиональный слой научной и творческой интеллигенции. Некоторым символическим итогом этой сложной и интенсивной работы стала декада бурят-монгольского искусства, проведенная в 1940 г. в Москве.

В том же году Правительство СССР приняло решение о подготовке сводного поэтического варианта героического эпоса

«Гэсэр». Это был не единственный подобный заказ: в конце 1930-х гг. советские власти отмечали предполагаемые юбилеи таких эпосов, как грузинский «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (1937), русский «Слово о полку Игореве» (1938), армянский «Давид Сасунский» (1939), калмыцкий «Джангар» (1940) и др.

Ставилась задача не просто собрать и систематизировать многообразные устные версии «Гэсэра», но создать письменный, литературный, канонический текст, единый для всех бурят. Фактически это был инструмент национальной консолидации, конструирование единой общей традиции. Кроме того, литературная версия, канонический письменный текст – это свидетельство древности и силы культуры как основы нации. Решалась задача не только и не столько культурная: выстраивался фундамент нации, версия общей древней и великой истории и культуры. Без апелляции к единой и великой традиции трудно, а то и невозможно выстроить новую этническую общность из партикуляристской племенной стихии. Переход от традиционных устных сказаний к письменному литературному тексту – это и символ современности, современного типа общества. Поэтому заказ советской власти на создание письменной версии эпоса совпал с устремлениями модернизирующейся бурятской элиты.

Однако, по словам И. Сталина, большевики предпринимали действия, направленные на «максимальное развитие национальной культуры, с тем чтобы она исчерпала себя до конца, а затем была создана база для организации международной социалистической культуры» [23, с. 314]. В 1930-х гг. это довольно абстрактное рассуждение реализовалось в массовых репрессиях против созданной с таким трудом национальной

элиты. Она преследовалась по политическим, идеологическим мотивам и классовым признакам, когда даже при отсутствии состава преступления обвиняемые заносились в разряд контрреволюционеров. В Бурят-Монголии органами НКВД было инспирировано широко известное дело о так называемой контрреволюционной шпионской «панмонгольской» организации, члены которой были репрессированы.

Широким фронтом шла кампания против духовенства. Репрессии обрушились на буддийскую, православную, старообрядческую и другие конфессии. Основным их мотивом было то, что церковь ведет контрреволюционную, антисоветскую пропаганду. Многие служители культа были вынуждены снять с себя духовный сан. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, арестовывались и приговаривались к различным срокам заключения; часть их была выслана за пределы республики. А органами НКВД раскрывались все новые и новые «контрреволюционные, повстанческо-диверсионные» организации при дацанах и церквях. При этом репрессии начала 1930-х гг. еще не носили тотального характера.

Коренным образом обстановка изменилась после печально известного февральско-мартовского пленума ЦК партии. Впервые формулировка о неблагоприятном положении дел в Бурятии появилась в результате оперативно-следственных мероприятий в Ленинграде, когда в начале 1937 г. были арестованы большая группа служителей буддийского культа Ленинградского дацана, служащие тибетско-монгольской группы, а также видные общественные деятели, ученые Бурят-Монголии [2, с. 42].

В справке, составленной 3-м отделом УНКВД Ленинградской области, говори-

лось, что «следственным путем вскрыта контрреволюционная шпионско-повстанческая организация, возглавляемая представителем Тибета в СССР Агван Доржиевым и подданным МНР проф. Жамсарано Цыбен». Далее говорилось, что в эту группу входят Барадин Базар – преподаватель монгольского языка ЛИФЛИ, Гомбоин Лобсан-Гарма – аспирант Академии наук СССР, Будаев Оцор Будаевич – художник Музея истории религии, Абидуев Цырен-Даши – лама, без определенных занятий, Одонов Лобсан-Оцор – без определенных занятий. «Являясь активными участниками названной контрреволюционной группы, они проводили работу по подготовке восстания в Бурятии в единое государство». В заключение сказано, что, «находясь в Ленинграде, они принимали участие в обсуждении контрреволюционных вопросов на сборищах, устраиваемых Агваном Доржиевым и проф. Жамсарано, и контрреволюционной обработке монгольской и бурятской молодежи» [26].

Как видно из дела Б. Барадина, он был арестован и на первых допросах отрицал свое участие в «контрреволюционной шпионско-повстанческой организации», но через два месяца нахождения под следствием полностью признал предъявленные ему обвинения. По наводящим вопросам следователей обвиняемый также признал связь своей организации с контрреволюционной троцкистско-террористической организацией, с которой подпольно контактировал. По требованию следователя Б. Барадин указал в качестве руководителей контрреволюционной организации бывшего наркомпроса О. Дашидондобэ, бывшего культпропотделом обкома партии Д. Мункина, бывшего председателя БурЦИКа Б. Дабаина, бывшего заместителя директора Ин-

ститута культуры Раднабазарона, Чимидуна и себя. Членами этой группы были названы также бывший директор Института культуры Б.-Д. Тогмитов, сотрудник газеты «Бурят-Монголой Унэн» Д. Ардин, поэт П.Н. Дамбинов, аспирант АН СССР Б. Болондон и др. – всего 13 человек [4, с. 19].

На основании представленного следователями НКВД обвинительного материала Б.Б. Барадин на закрытом заседании выездной сессии военной коллегии Верховного Суда СССР 24 августа 1937 г. в Ленинграде был осужден по статьям 58-1а, 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Заседание суда длилось всего 15 минут, и судьба известного бурятского общественного деятеля была решена – он был приговорен к расстрелу, приговор вскоре был приведен в исполнение.

Изучение архивных материалов приводит к однозначному доказательству вынужденного характера признаний Б.Б. Барадина, самооговор и оговор других людей, а также преступную роль следователей НКВД, недозволенными, противоправными средствами и насилием добивавшихся от своих беззащитных подследственных угодных им признаний. Нам еще не до конца известны многие подробности политических репрессий в Ленинграде, однако обширный материал, имеющийся в архиве ФСБ по Республике Бурятия, показывает, что многие из «признательных» показаний общественных деятелей, ученых, служителей культа послужили поводом для дальнейшего разворота репрессивной политики.

Пиком новой волны массовых репрессий стали 1937–1938 гг. За 1937 г. и десять месяцев 1938 г. в Бурятии было арестовано 6836 человек, из которых в этот же период было осуждено 4907. Был уничтожен цвет

бурятской национальной интеллигенции. Погибли Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Солбонэ Туя, Ц. Дон, Ж. Батоцыренов, Б. Тогмитов, Ж. Раднабазарон и другие [27], имена которых на протяжении долгого времени были преданы поруганию и забвению. Для судеб художественной культуры особое значение имели повальные обвинения в национализме, попытке создания панмонгольской организации, шпионско-диверсионной деятельности в пользу милитаристской Японии.

Дела представителей художественной культуры и творческой интеллигенции были выделены в отдельную группу с тем, чтобы показать особую изоциренность панмонголистов в борьбе с советской властью, идеологическую масштабность буржуазных националистов. Неслучайно по делам Дапинимаева, Очирона, Ширабона, Ардина, Дампилона, Дондубона, Очиржабэ, Раднабазарона, Ламажапова была назначена специальная экспертная комиссия [29].

Безусловно, политические репрессии нанесли невосполнимый ущерб развитию национальной художественной культуры. Только в области литературы незаконным репрессиям подверглись И. Дампилон, С. Балдаев, Ж. Батоцыренов, Д. Дапинимаев, Ц. Дондубон, Ц. Жамцарано, С. Мишаханов, Д.-Р. Намжилон, Солбонэ Туя, С. Ширабон.

Но не только количественными показателями измеряются социально-культурные и политические последствия репрессий. Для художественной культуры Бурятии положение усугубилось окончательным утверждением мнения о наличии в республике панмонгольских настроений, переросших в фазу создания массовой законспирированной контрреволюционной организации. Этот яр-

лык был приклеен к нескольким поколениям бурятской интеллигенции. Это привело на долгое время не только к ослаблению культурно-исторической связи бурятского народа с Монголией, но и к значительному отрыву от центрально-азиатской культуры.

При всем этом наблюдался парадокс: сам механизм дальнейшего формирования и воспроизводства творческой интеллигенции не был уничтожен, способствуя количественному расширению и качественному росту теперь уже массовых слоев специалистов, бурятского городского населения вообще.

Хотя попытки «коренизации» местной партийной и советской власти были во многом непоследовательными и половинчатыми, они привели к довольно осязаемым результатам. Титульная нация обрела динамично растущую городскую составляющую, стала демографически более консолидированной, лучше представленной среди творческой и научной интеллигенции, в административном аппарате, более выраженной в своих национальных проявлениях.

В результате этих процессов город поменял свои функции, причем быстро и радикально: когда-то русский купеческий уездный город Верхнеудинск, наделенный после образования республики функциями нацистроительства и задачей осуществления проекта создания бурятской социалистической нации, стал столицей Бурят-Монгольской автономной советской социалистической республики. Символом этой трансформации стало переименование его в 1934 г. в Улан-Удэ (Красная Уда, Красноудинск).

Улан-Удэ в модернизационных процессах

Политика выравнивания уровней экономического развития национальных окра-

ин и регионов, начатая в конце 1920-х гг., была тесно связана с проведением форсированной индустриализации. Об этом немало написано в исторической литературе, в том числе и региональной [10, 24, 3]. Отметим лишь, что процесс индустриальной модернизации в Бурят-Монголии протекал особенно. Значительные масштабы и высокие темпы индустриализации в республике были предопределены в том числе и ее геополитическим положением и ролью «ворот на зарубежный Восток».

Курс на индустриализацию обусловил строительство в Улан-Удэ ряда крупных объектов народно-хозяйственного комплекса Сибири и Дальнего Востока, что вызвало потребность в трудовых ресурсах, а в последующем – в специалистах для обслуживания предприятий. Это способствовало возникновению крупной миграционной волны из западных районов России и союзных республик. Внешний миграционный поток значительно изменил этническую картину города, хотя основным источником прироста городского населения, наряду с естественным движением, была внутренняя миграция жителей республики в Улан-Удэ. Перемещение сельских жителей республики в город привело к увеличению городского населения за счет бурят и русских.

Верхнеудинск/Улан-Удэ стал региональным модернизационным центром. За короткий срок произошел значительный перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и другие городские сферы деятельности, складывались новые социальные и профессиональные слои и группы, менялся их национальный состав, развивались индустриальные системы производства и потребления. Важнейшим элементом городской жизни стало появление

бурятской политической и культурной городской элиты: управленцев, учителей, врачей, артистов, писателей, художников, журналистов.

Численность рабочих с 1926 по 1939 г. увеличилась в 4 раза – с 22,7 тыс. (4,6 %) до 87,8 тыс. человек (36,3 %), в том числе рабочих-бурят – с 1,33 до 10 % [3, с. 92]. Одновременно в республику прибыли рабочие, инженеры и техники из центральных областей страны. Это стало важным фактором подготовки квалифицированных рабочих из числа местных кадров, в том числе из бурят. Рабочий класс формировался как многонациональный при сравнительно небольшой доле бурят в его составе.

При этом процесс «крестьянизации» города принял внушительные размеры и имел далеко идущие последствия. Как и в стране в целом, по выражению Ю. Пивоварова, «волны сельской миграции буквально «затопили» города всей страны, определив основную коллизию урбанизации на многие десятилетия» [20, с. 102]. С таким наплывом вчерашних крестьян «справиться» было очень сложно. Да и сами вчерашние жители сел и улусов, многие из которых не владели русским языком, с огромными трудностями приобщались к городской жизни.

Массы крестьян шли в город на строительство гигантов индустрии – паровозовагоноремонтного завода, мехстеклозавода, мясоконсервного комбината. Только в 1932 г. на строительство ПВРЗ из аймаков прибыло 3213 чел., из них 2019 колхозников, в числе которых 1354 бурята. Им пришлось все делать сразу – строить бараки для жилья, рыть котлованы, принимать стройматериалы. Тяжесть физического труда, постоянный недостаток продовольствия, бытовая неустроенность усугубляли психологический дискомфорт, вызванный

переменной места, образа жизни и характера труда. Некоторые не выдерживали и возвращались домой. Те же, кто смог удержаться, адаптироваться, становились новыми горожанами и могли воспользоваться системой социальных лифтов. По выражению Р. Кайзера, «программа модернизации, содействовавшая миграции сельского населения в города, способствовала более быстрой национализации масс» [36, с. 123].

Город вбирал в себя население хинтерланда, превращая его в горожан и выстраивая нацию в соответствии с проектом. Город-столица давал больше шансов для работы и учебы. Недоставало жилья – в городе сооружались новые кварталы, обустроивались «соцгородки» при заводах. Именно в этот период наблюдалось мощное движение вверх и вниз по социальной иерархической лестнице. Вертикальная мобильность протекала интенсивно – выходцы из рабочих и крестьян, благодаря проводимой политике, историческим условиям, личной одаренности, быстро продвигались вверх, преодолевая культурные контрасты.

Этнизация города

Результатом одностороннего развития модернизационных процессов и реализации политического проекта по созданию бурятской нации стало радикальное изменение облика города. Наделение города новыми функциями привело к формированию качественно нового этнического пространства в нем. Живший когда-то исключительно ярмаркой и регулярной торговлей на Чайном пути, город стал крупным административным, промышленным, культурным и научным центром Восточной Сибири. Индустриализация и урбанизация изменили не только внешний облик города, но и его сущность. Некогда сугубо

русская крепость, оборонявшаяся от набегов кочевников, превратилась в место, где создавалась бурятская нация, где стали жить уже совсем иные люди.

Наиболее зримо это выразилось в сдвигах в численности и структуре его населения. Оно стремительно росло: от 21,6 тыс. чел. в 1923 г. до 28,9 тыс. в 1926 г. и до 125,7 тыс. к 1939 г. [5, с. 39]. «Городская революция» привела к более чем четырехкратному увеличению численности горожан Улан-Удэ. Изменился его этнический состав, при этом смена происходила преимущественно не за счет вытеснения старого населения, а в результате массового притока нового, во многом – бурятского. После 1917 г. в считанные годы в городе, по существу, произошла смена населения: практически уничтожено было купечество, вытеснено, растворено и исчезло мещанство, мало что осталось и от горожан непродовственных групп. На смену этим основным социальным слоям дореволюционной эпохи пришли покинувшие родные места крестьяне. Конфликт городской и деревенской культур был неизбежен, создавая в том числе и этнически маркированное напряжение.

Буряты появились в городе не только в качестве аутсайдеров – вчерашних крестьян. Из них формировался значительный по численности и влиятельный слой политической и административной элиты, служащих, представителей творческой интеллигенции, учителей, врачей. А то, что у истоков этого процесса стояла политика коренизации, отбора и продвижения кадров по этническому признаку, сделало этничность (национальность в категориях того времени) очень важным фактором, организующим взаимоотношения в городском сообществе. Критерий этничности стал де-

лом государственным, политическим, важным инструментом форматирования общества. Характер властных отношений того времени не давал выбора ни обществу в целом, ни отдельному человеку.

Тем не менее представители партийных властей с тревогой фиксировали назревавшие напряжения и потенциальные конфликты. Чрезвычайно характерна в этом смысле докладная записка секретаря Бурбкома ВКП(б) М. Сахьяновой в ЦК ВКП(б) от 12 мая 1929 г.: «Решительный курс на реализацию задач национально-культурного строительства... в самом начале своей реализации, наряду с общим усилением кулацкого сопротивления, усилил рост шовинистических настроений в беспартийных и партийных массах. Разговоры о том, что бурятам – все, а русским – ничего, что буряты и бурятские работники не нюхали революции, а, наоборот, боролись против нее, а теперь им – все блага революции, тепленькие местечки, учеба и т. д. Эти разговоры особенно усилились к началу и к весне 1928 г.» [34]. Неизбежные склоки и групповые конфликты в правящей элите могли принимать и этническую окраску.

Это заставляет задуматься над более общим вопросом: насколько конфликтной была политика коренизации в Бурят-Монголии? Вела ли этнизация к росту уровня конфликтности? Ведь приход новых людей и новых групп, изменения в их статусах с точки зрения практики должны были привести к обострению конкуренции за ресурсы. Однако открытых острых конфликтов не наблюдалось. Можно, конечно, предположить, что советская власть особо не давала им развиваться и уж тем более проявляться публично.

К примеру, в июне 1927 г. в Бурят-Монголии был обнародован закон, разрешав-

ший заменять русских квалифицированными представителями коренной национальности и требовавший лишь, чтобы русские получали такие же выходные пособия, как и те, кто был уволен в связи с сокращением штатов госаппарата [33]. Но Оргбюро ЦК ВКП(б) резко осудило данный закон, и он не получил хода. Для центра так важны были взаимоотношения между русскими и бурятами, что он сам регламентировал их, а коренизацию не ограничивал по этническому признаку: «Вопрос национализации аппаратов предполагает закрепление отдельных должностей не только за бурятами, но и за русскими и тесно связан с вопросом выдвижения как бурят, так и русских рабочих и крестьян на ответственную руководящую работу. По этому плану предусмотрено в течение 1927 г. выдвинуть 16 рабочих и 3 крестьянина» [14, с. 29].

Кроме того, смягчению возможных противоречий могла способствовать формирующаяся система разделения труда. Новые функции города создавали и новые профессиональные и социальные ниши, некоторые из которых резервировались для бурят. Эти ниши были связаны с задачами нацистроительства, следовательно, концентрировались в сфере власти, управления, образования и культуры. Путь к этому открывало гуманитарное образование. На первых порах здесь хватало начальных форм подготовки: ликбез, кратковременные курсы, рабфаки и т. д. В силу новизны этой ниши буряты не слишком вытесняли из нее старожильческое городское население, скорее, они дополняли существовавшую структуру. Коренные верхнеудинцы сохраняли свои традиционные позиции в городской экономике, а многочисленные приезжие из других регионов концентрировались в развивающейся индустриальной сфере. Конечно, это была дина-

мичная, развивающаяся ситуация. Самое же главное, что и это разделение труда, дающее возможность минимизировать конкурентные конфликты, воспринималась и оценивалась в качестве этнически организованной системы.

И последнее, но не по значению. Новые функции города сформировали его новый хинтерланд. Теперь это был уже не только региональный центр, город в сельском окружении, осуществляющий традиционные для этой роли организации власти, снабжения, образования и т. д. Улан-Удэ стал «национальной столицей», центром бурятской нации. Известный бурятский ученый и общественный деятель Т.М. Михайлов назвал это выражением национального духа: «Буряты... в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим Домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь – средоточие национального духа» [17, с. 21]. И этот хинтерланд совершенно не вмещается в административные границы автономии, особенно после 1937 г., когда ключевые регионы бурятского этноареала (Усть-Ордынский и Агинский национальные округа) были выведены из состава республики.

Литература

1. *Алексеев П.С.* Воспоминания о поездках по Забайкалью и Дальнему Востоку // Русский вестник. – СПб., 1899. – № 7.
2. *Андреев А.* Буддийская святыня Петрограда. – Л.: Эккоарт, 1991. – 128 с.
3. *Балданю М.Н.* Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. – Улан-Удэ: Издат-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 431 с.
4. *Баттеев Б.Б.* Базар Барадин. Штрихи к политической биографии // Неизвестные страницы истории Бурятии. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1991. – С. 6–22.
5. Бурятская АССР в цифрах. 1923–1973. Стат. сб. Улан-Удэ, 1974. – 148 с.
6. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004. – 216 с.
7. *Дондуков Ц.Ц.* Улан-Удэ. Историко-краеведческий очерк. – Улан-Удэ, 1965. – 126 с.
8. *Евицкий О.* Поездка из Иркутска в Кяхту через Байкал, или Святое море // «Очерки России», изд. В. Пассеком. Кн. 11. – М., 1840. – 115 с.
9. *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – 350 с.
10. История Бурятии. В 3 т. Т. III. XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.
11. *Кальмина А.В.* Еврейские общины Восточной Сибири. – Улан-Удэ: Издат-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 423 с.
12. Краткая энциклопедия истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск: Наука, 1994. – Т. I, кн. 2. – 222 с.
13. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 666 с.
14. Материалы об итогах партийного строительства за три года (1924–1926). – Верхнеудинск, 1927. – 37 с.
15. *Миллер П.Е.* Путешествие надворного советника И.Е. Миллера из Иркутска в Нерчинск в августе месяце 1811 года, им самим записанное // Духовный журнал. – СПб., 1816. – Ч. 13. – Кн. 28. – С. 67.
16. *Митупов Б.М.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1958. – 144 с.
17. *Михайлов Т.М.* Национальное самосознание и менталитет бурятского народа // Современное положение бурятского народа и перспективы развития. – Улан-Удэ, 1996. – С. 18–25.

18. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. – 197 с.
19. *Намогоева В.В.* Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 402 с.
20. *Пивоваров Ю.А.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность, 2001. – № 6. – С. 101–112.
21. *Раднаев Э.В.* История формирования этнического состава г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Вита Магистра РЦМП, 2004. – 35 с.
22. *Ринчино Э.-А.* Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ, 1994. – 160 с.
23. *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос // Сочинения. – Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.
24. *Тармаханов Е.Е.* Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии (1938–1958 гг.). – Новосибирск, 1979. – 333 с.
25. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Панмонгольское движение – это общемонгольское националь-
ное движение // Монголоведные исследования. Вып. III. – Улан-Удэ, 2000. – С. 12–30.
26. Архив УФСБ по г. Санкт-Петербургу. Д. П-31277 (Барадина Б.Б.). Т. 3. Л. 47.
27. Архив УФСБ по Республике Бурятия. Д. 3839/с (Доржиева Д.Д.), Д. 3766 (Маркизова А.А.). Т. 1–3.
28. Архив УФСБ по Иркутской области. Д. 11027 (Ринчино Э.-А.) и др.
29. Архив УФСБ по Республике Бурятия. Д. 3833.
30. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 37.
31. ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 16. Л. 14.
32. ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1028. Л. 76.
33. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 8.
34. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 53. Л. 9.
35. *Cottrell Ch.H.* Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841. London, 1842. – 410 p.
36. *Kaiser Robert J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 492 p.

THE URBAN SPACE OF VERKHNEUDINSK/ULAN-UDE: FROM A PROVINCIAL TOWN TO THE CAPITAL OF THE REPUBLIC

M. Baldano, S. Kirichenko

The Institute of Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies, SB RAS,
Ulan-Ude

histmar@mail.ru

l-a-n-a@mail.ru

The article is devoted to the problem of ethnization of the urban space of Verkhneudinsk/Ulan-Ude in the context of nation-building policy. The Russian provincial town Verkhneudinsk became the capital of the Buryat autonomy – Ulan-Ude, according to the will of the Soviet power. The former functions didn't disappear, but they were displaced by the new tasks of the government. The changing of ethnic composition was not only because of the old population replacement, but due to the massive influx of new, mostly Buryat population. Purposefully new socio-professional groups (nomenclature, intelligentsia, urban

middle classes and workers) were formed through the system of social elevators in the context of socialist industrialization. A new system of education was created; a policy of indigenization was conducted. As a result a typical metropolitan set of social and cultural infrastructure was formed – from power system to museums and theatres, the Buryat literary language, the national epic, which became the basic and unified foundation of cultural traditions of the nation.

Keywords: ethnicity, urban space, nation-building, urbanization, intelligentsia, indigenization.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-74-93

References

1. Alekseev P.S. *Vospominaniya o poezdkah po Zabajkals'ju i Dal'nemu Vostoku* [The memories of trips to the Far East and Trans-Baikal] // *Russkij vestnik*, St. Petersburg, 1899. № 7.
2. Andreev A. *Buddijskaja svjatynja Petrograda* [Buddhist shrine of Petrograd]. Leningrad: Agencstvo Jekoart, 1991. 128 p.
3. Baldano M.N. *Industrial'noe razvitiye Burjatii (1923–1991 gg.): dostizheniya, izderzhek, uroki* [Industrial development of Buryatia (1923–1991): Achievements, costs, lessons]. Ulan-Ude, 2001. 431 p.
4. Batuev B.B. *Bazar Baradin. Stribi k politicheskoj biografii* [Baradin Bazaar. Strokes to political biography] // *Neizvestnye stranicy istorii Burjatii* [Unknown pages of history of Buryatia]. Ulan-Ude, 1991, pp. 6–22.
5. Burjatskaja ASSR v cifrah. 1923–1973 [Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic in figures. 1923–1973]. Ulan-Ude, 1974. 148 p.
6. Burjatskaja jetnichnost' v kontekste sociokul'turnoj modernizacii (sovetskij period) [Buryat ethnicity in the context of social and cultural modernization (the Soviet period)]/ Ulan-Ude, 2004. 216 s.
7. Dondukov C.C. *Ulan-Ude. Istoriko-kraevedcheskij ocherk*. [Ulan-Ude. Local History essay]. Ulan-Ude, 1965. 126 p.
8. Evickij O. *Poezdka iz Irkutska v Kjachtu cherez Bajkal, ili Svjatoe more* [Trip from Irkutsk to Kyakhta through Baikal, or Holy Sea]. Moscow, 1840. 115 p.
9. Elaev A.A. *Burjatskij narod: stanovlenie, razvitiye, samoopredelenie* [Buryat people: formation, development, self-determination]. Moscow, 2000. 350 p.
10. *Istorija Burjatii* [History of Buryatia] T. III. Ulan-Udje, 2011. 464 p.
11. Kal'mina L.V. *Evrejskie obschiny Vostochnoj Sibiri* [The Jewish communities of Eastern Siberia]. Ulan-Ude, 2003. 423 p.
12. *Kratkaja jenciklopedija istorii kupechestva i kommercii Sibiri* [A brief history of the encyclopedia-commerce merchants and Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1994. T. I, b. 2, pp. 139.
13. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [Empire “positive activities.” Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. M., 2011. 666 p.
14. *Materialy ob itogah partijnogo stroitel'stva za tri goda (1924–1926)* [The materials on the results of party building for three years (1924–1926)]. Verhneudinsk, 1927. 37 p.
15. Miller I.E. *Puteshestvie nadvornogo sovetnika I.E. Millera iz Irkutska v Nerchinsk v avguste mesjace 1811 goda, im samim zapisannoe* [Journey court counselor I.E. Miller from Irkutsk to Nerchinsk in August 1811, recorded by him] // *Duhovnyj zhurnal*. St. Petersburg, 1816. – Ch. 13, b. 28, pp. 67.
16. Mitupov B.M. *Razvitiye promyslennosti i formirovanie rabocheho klassa v Burjatskoj ASSR (1923–1937 gg.)* [The development of industry and the formation of the working class in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic (1923–1937)]. Ulan-Ude, 1958. 144 p.
17. Mihajlov T.M. *Nacional'noe samosoznanie i mentalitet burjatskogo naroda* [National consciousness and mentality of the Buryat people] // *Sovremennoe polozhenie burjatskogo naroda i perspektivy razvitiya* [The current situation of the Buryat people and prospects]. Ulan-Ude, 1996, pp. 18–25.
18. *Nacional'noe dvizhenie v Burjatii v 1917–1919 gg. Dokumenty i materialy*. [The national movement in Buryatia in 1917–1919. Documents and materials]. Ulan-Ude, 1994. 197 p.

19. Nomogoeva V.V. *Istoricheskiy opyt social'no-kulturnoy modernizatsii nacional'nyh rajonov Vostochnoy Sibiri v 1920-1930-e gg. (na materialah Respubliki Burjatija)* [The historical experience of social and cultural modernization of national areas of Eastern Siberia in 1920–1930-ies (On materials of the Republic of Buryatia)]. Ulan-Ude, 2011. 402 p.
20. Pivovarov Ju.L. *Urbanizatsija Rossii v XX veke: predstavlenija i real'nost'* [Urbanization of Russia in the twentieth century: Perceptions and Reality] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2001. № 6, pp. 101–112.
21. Radnaev E.V. *Istorija formirovanija jetnicheskogo sostava g. Ulan-Ude* [The history of the ethnic composition of the city of Ulan-Ude]. Ulan-Ude, 2004. 35 p.
22. Rinchino E.-D. *Dokumenty. Stat'i. Pis'ma* [Documents. Article. Letters]. Ulan-Ude, 1994. 160 p.
23. Stalin I.V. *Marksiz'm i nacional'no-kolonial'nyj vopros* [Marxism and the National and Colonial Question] / I.V. Stalin. T. 2. Moskow, 1946, s. 290–367.
24. Tarmahanov E.E. *Promyshlennost' i rabochij klass Sovetskoj Burjatii (1938–1958 gg.)* [Industry and the working class of the Soviet Buryatia (1938–1958)]. Novosibirsk, 1979.
25. Chimitdorzhiev Sh.B. *Panmongol'skoe dvizhenie – jeto obshhemongol'skoe nacional'noe dvizhenie* [Pan-mongolskoe movement - is a pan-Mongol National Movement] // *Mongolovednye issledovanija*. Op. III. Ulan-Ude, 2000, pp. 12–30.
26. Arhiv UFSB po g. Sankt-Peterburgu. [Archive of the FSB Department for St. Petersburg] D. P-31277 (Baradina B.B.). V. 3. L. 47.
27. Arhiv UFSB po Respublike Burjatija. [Archive of the FSB Department for the Republic of Buryatia] D. 3839/s (Dorzhieva D.D.), D. 3766 (Markizova A.A.). V. 1–3.
28. Arhiv UFSB po Irkutskoj oblasti [Archive of FSB of the Irkutsk region] D. 11027 (Rinchino E.-D.).
29. Arhiv UFSB po Respublike Burjatija [Archive of the FSB Department for the Republic of Buryatia]. D. 3833.
30. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija [State Archives of the Republic of Buryatia]. F. P-1. Op. 1. D. 18. L. 37.
31. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija [State Archives of the Republic of Buryatia] F. P-1. Op. 2. D. 16. L. 14.
32. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija [State Archives of the Republic of Buryatia] F. 128. Op. 1. D. 1028. L. 76.
33. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. F. 1235. Op. 120. D. 101. L. 8.
34. Rossijskij Centr hranenija i izuchenija dokumentov novejshej istorii (RCHIDNI). [The Russian Center for Preservation and Study of Documents of Recent History] F. 17. Op. 85. D. 53. L. 9.
35. Cottrell Ch.H. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841*. London, 1842. 410 p.
36. Kaiser Robert J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 492 p.